

УДК 101.1
ББК Ю 251.1

ПОНЯТИЕ «ГЛУБИНЫ» В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ: К ПОСТРОЕНИЮ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Е.Г. Миляева, К.Е. Резвушкин

В статье авторы раскрывают отличия понимания глубины в контексте философской практики от понимания глубины в социально-гуманитарных науках и гносеологии. Глубина онтологически связана с поверхностью. Раскрытие внутренней глубины является способом достижения человеком полноты и целостности своего бытия.

Ключевые слова: глубина, философская практика, поверхность.

Понимание глубины для занятий философской практикой является одной из наиболее важных задач, решение которой позволяет избежать разногласий в толкованиях и представлениях, способных помешать философскому партнерству, разрушить гармонию сессии философской практики или самостоятельного опыта работы со своим внутренним миром. У каж-

дого, кто занимается философией и гуманитарными исследованиями, несомненно, есть собственное представление о глубине, проистекающее как из повседневного обыденного опыта, так и из осмысления философских, научных и художественных текстов. Для многих российских исследователей глубина в первую очередь связана с психологией человека. Психоаналитическая традиция предполагает представление о психике как многомерной структуре, состоящей из слоев, наиболее глубинным из которых является бессознательное. На это представление накладывается также указание в «Истории безумия» Мишеля Фуко на то, что существует некое дно, некая темная глубина, которая присутствует в каждом человеке [6]. Таким образом, создается впечатление о внутренней глубине как о чем-то темном, опасном, погружение в которое связано или с травматическим опытом, или с соприкосновением с кипящим котлом бессознательного. Но в контексте философской практики представление о глубине является иным.

В социально-гуманитарном познании в целом классическое понимание глубины связано со способностью человека одновременно воспринимать и понимать окружающий мир в его многообразии, а также осознавать самое себя. Глубина в таком случае означает способность к восприятию объектов в трехмерном пространстве, т.е. фактически – это то, что человек может помыслить как находящееся на пределе или за пределами высоты-ширины-длины физического объекта. Глубина – понятие, нередко используемое в философии в качестве онтологической метафоры: «Глубина человеческой души», «Глубина человеческого Я», «Глубина самосознания», «Глубина чувств/мыслей», «внутренняя глубина» и т.д.

Глубина является категорией как физического, так и метафизического порядка. В физическом плане она стоит в одном ряду с длиной и высотой, будучи аналогом ширины. Физическая глубина измеряема, познаваема количественно. В свою очередь, метафизическая глубина не поддается измерению, т.е. невидима, неслышима, неосязаема, но при этом поддается вчувствованию и осмыслению [8]. Метафизическая глубина не то же самое, что человеческие душа и дух, но то, что присутствует с ними, открывает канал трансцендирования. Онтологическая суть глубины раскрывается в аллегории пещеры у Платона [5]. В платоновской пещере проекция идет не внутрь, но вовне. Глубина есть там, где обитает свет истины. Иными словами, глубина выходит за пределы человеческой телесности к внешним горизонтам реальности, которые в метафизическом плане являются собой более широкое и глубокое измерения. Таким образом, глубина есть то, что исходит изнутри человека, но постижение чего вырывает человека из предначертанных ему пределов.

Также глубина может употребляться в гносеологическом значении – для описания степени понимания. Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» отмечал, что «логике присуща особая глубина – универсальное значение. Представляется, что она лежит в основе всех наук. Ибо логиче-

ское исследование выявляет природу всех предметов. Оно призвано проникать в основания вещей, а не заботиться о тех или иных фактических событиях. Логика вырастает не из интереса к тому, что происходит в природе, не из потребности постичь причинные связи, а из стремления понять фундамент или сущность всего, что дано в опыте» [1, с. 74]. Иными словами, логика есть глубина как проникновение в суть вещей. Это не физическое, но умственное, рациональное проникновение, осознание сути вещей и связей между ними.

Понимание погружения в глубину как раздвижение горизонта бытия может быть интерпретировано в традиции Э. Гуссерля и Г. Гадамера, когда благодаря философскому действию образуется возможность выйти за рамки чувственного восприятия, ограниченного сферами осязаемого, видимого, слышимого, трансцендировать себя в самого себя, не теряя при этом самобытия и бытия мира. М. Хайдеггер говорит о том, что только поэты могут чувствовать настоящую глубину. Этому нельзя подобрать никакого физического проявления или описания, поскольку глубина в экзистенциальном измерении – это не то, что внутри коробки или за закрытой дверью, а то, что можно почувствовать только по некой невыражаемой словами притягательности, по искушению, по Зову, несущемуся из глубины, который заставляет искать ее. Но благодаря философии в путешествии в глубину можно полностью отдаться Зову, не боясь при погружении в нее потерять голову, сойти с ума или раствориться в бурлящем котле бессознательного [7].

В постмодернизме глубина уходит на второй план, а более важным вопросом становится поверхность. Жиль Делез в «Логике смысла», приводя в пример кэрроловскую «Алису», утверждает, что «можно сказать, что то, что прежде было глубиной, развернувшись, стало шириной. Неограниченное становление целиком удерживается внутри этой вывернутой ширины. Глубина – больше не достоинство... Поверхность столь же мало исследована и познана, как глубина» [2, с. 179]. Андре Конт-Спонвиль считает глубину в философии метафорой для обозначения «количества» мысли, которую может содержать или пробуждать тот или иной дискурс. Он говорит, что испытывал «экзистенциальный интерес к философии как к искусству жить» [3]. Понимание глубины в философии связано с наличием смыслов, стоящих за объектом, символом, текстом, словом. Эти смыслы или тяга к их пониманию становится источником своеобразного зова, того, что исходит изнутри философа и призывает его к поиску истины, мудрости.

Онтологически глубина невозможна без поверхности как черное без белого, а доброе без злого. Например, Фридрих Ницше в «Веселой науке», представляя античную мысль, писал: «Эти греки были поверхностными – из глубины» [4]. Для философской практики антиномии «поверхность – глубина» играют важную роль. Поверхность в философской практике рассматривается как совокупность предзаданных паттернов и автоматических

реакций в поведении человека. Движение в глубь своего Я предполагает выход человека из своего психологического периметра как из платоновской пещеры.

В этом стоянии за пределами в философской практике глубина понимается в контексте онтоантропологических оснований философии, указывая на аутентичность человека, его органическую связь с большими горизонтами, с внешним миром. Ран Лахав, раскрывая сущность философского партнерства, подчеркивает, что «философия по своему характеру – «любовь к мудрости» – это поиск, основанный на любви к познанию, глубине, мудрости». Есть особая страсть к глубине у ищущих, то есть у тех, кто обращается к философской практике как к способу поиска сущностной стороны своей жизни, придания ей полноты и целостности [9]. Последнее также имеет место в глубинной экологии, характеризуясь глубиной задавания вопросов [10]. Оскар Бренифье говорит о тренировках «глубины мышления», целью которых является достижение человеком целостности и полноты своего индивидуального бытия даже в рутине повседневности.

Таким образом, глубина в философской практике – это не темное дно бессознательного, как ее понимают в психотерапии, и спуск в которую может быть травматичен, а то, осознание и переживание чего помогает сделать жизнь по-настоящему полной и целостной. В процессе индивидуальной практики или партнерской сессии поверхность (фрагмент философского текста, изображение, фильм и т.п.) становится отправным пунктом, точкой начала движения в свою глубину.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Библиографический список

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ, 2011. – 347 с.
2. Делез, Ж. Логика смысла. Фуко, М. *Theatrum philosophicum* / Ж. Делез, М. Фуко. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
4. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 3. Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2014. – 640 с.
5. Платон. Государство / Платон. – СПб.: Наука, 2005. – 572 с.
6. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – 704 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2006. – 466 с.
8. Эпштейн, М. Проективный словарь / М. Эпштейн. – М.: Новое лит. обозрение, 2017. – 616 с.

Наука ЮУрГУ: материалы 70-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

9. Lahav R. Stepping Out From the Plato's Cave: Philosophical practice and Self-Transformation. Hardwick, Vermont, USA, Loyev Books, 2016.
10. Naess A. Spinoza and the deep ecology movement. – Eburon, 1993. – 16 p.

[К содержанию](#)